

ДИСКУССИИ И ДИСКУРСЫ
DISCUSSIONS AND DISCOURSES

Роль медиа в формировании поколений «гамлетов» и «донкихотов» в России

О.И. Маховская*,
ИП РАН, Москва, Россия,
olyam@inbox.ru

Статья посвящена культурной специфике формирования и смены поколений в России, начиная с литературных кружков XIX века и заканчивая сетевыми сообществами XXI века. Литературную традицию описания феномена конфликта «отцов» и «детей» заложил писатель Иван Тургенев (1860), утверждая, что поколения «гамлетов», ретроградов, сменяют поколения «донкихотов», новаторов, революционеров. Образы инородцев не только остаются популярными в кино и театре, но используются отечественными учеными как научная метафора для анализа истории поколений. Дипломная работа Льва Выготского была посвящена образу Гамлета (1917). Утверждается, что ритм смены поколений определяется дисгармоничной структурой семьи в двух вариантах. Поколение «гамлетов»: сильный отец с абсолютным авторитетом, сильная идентификация с идеальным отцом у детей, ориентация на государственную идеологию и «отца» народов. Поколение «донкихотов»: отсутствующий или субдоминантный отец, слабая идентификация с отцом, поиск идеалов вне традиционных семейных и моральных предписаний. Приводятся результаты исследования сетевого взаимодействия, указывающие на инертность архетипов, культурную резистентность по отношению к технологиям, воспроизведение конфликта поколений «гамлетов» и «донкихотов», коммуникативные барьеры и непонимание.

Ключевые слова: поколения, медиа, новые технологии, «гамлеты», «донкихоты», Выготский, феномен, компьютерный барьер, структура, семья, проективный.

The Impact of Media on the Formation of Generations of ‘Hamlets’ and ‘Don Quixotes’ in Russia

O.I. Makhovskaya,
Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
olyam@inbox.ru

The article is devoted to the cultural specifics of the formation and succession of generations in Russia, starting with the literary circles of the XIX century and ending with the network groups of the XXI cen-

Для цитаты:

Маховская О.И. Роль медиа в формировании поколений «гамлетов» и «донкихотов» в России // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 2. С. 105–113. doi: 10.17759/chp.2019150213

For citation:

Makhovskaya O.I. The Impact of Media on the Formation of Generations of ‘Hamlets’ and ‘Don Quixotes’ in Russia. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* = *Cultural-historical psychology*, 2019. Vol. 15, no. 2, pp. 105–113. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2019150213

* Маховская Ольга Ивановна, кандидат психологических наук, Институт психологии РАН, Москва, Россия. E-mail: *olyam@inbox.ru*
Makhovskaya Olga Ivanovna, PhD in Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, E-mail: *olyam@inbox.ru*

ture. The literary tradition of describing the phenomenon of conflict between “fathers” and “sons” was laid by the novelist Ivan Turgenev (1860) who argued that generations of “hamlets”, old-fashioned individuals, alternate generations of “don quixotes”, pioneers, rebels. The images of foreign heroes not only remain popular in cinema and theater, but are used by Russian scholars as scientific metaphors for the analysis of the history of generations. The thesis of Lev Vygotsky was devoted to the analysis of the image of Hamlet (1917). It is argued that the change of generations is determined by the disharmonious structure of family in two versions. A strong father with absolute authority, a strong identification with an ideal father in children leads to a generation with a focus on the state ideology and the “father” of peoples, to the generation of “hamlets”. Absent or subdominant father, weak identification with him in children leads to the search for ideals outside the traditional family and moral precepts, to the generation of “don quixotes”. The article provides research data on network interactions that reveals the inertia of the archetypes; the cultural resistance towards the technologies; the reproduction of the generation gap between “hamlets” and “donquixotes”; communication barriers and misunderstandings.

Keywords: generations, media, new technologies, “hamlets”, “don quixotes”, Vygotsky, phenomenon, computer barrier, structure, family, projective.

Постановка проблемы

Новое поколение интернет-пользователей называют цифровым поколением, поколением Net, кибергражданами, цифровыми аборигенами, цифровыми иммигрантами [37], homo digitals, хай-тек поколением [25], netizens (от citizens и network) поколением X,Y, Z [33], поколением селфи [21]. Поколения определяются в связи с этапами смены технологий, вне реального культурно-исторического контекста страны, в котором рождаются и взрослеют подростки и молодежь. Яркие образы для обозначения новых когорт пользователей выбираются без оглядки на старые научные подходы к исследованию поколений в литературе, истории, демографии, философии, социологии, психологии.

Происходит ли нарастание интенсивности и компетентности сетевого взаимодействия от поколения к поколению? Есть ли ритмы смены поколений, которые помогут предсказать развитие не только внесетевого, но и сетевого взаимодействия? Не является ли проблема G-2 (generation gap), впервые описанная в литературе как чисто эмигрантский феномен, уже только литературным или историческим мифом? Хотя начало развития компьютерного взаимодействия можно рассматривать как вариант эмиграции; кажется, все последующие поколения успешно адаптируются и взаимодействуют в сети. Появляются данные, что хотя в Европе в 80-х гг. прошлого века и стартовало активно поколение подростков, затем произошла потеря его лидирующего положения. Новые подростки больше не превосходят своих родителей ни по интенсивности, ни по погруженности в интернет [32].

Препятствием для разработки в России культурно обоснованного подхода к проблеме поколений в сети оказывается большая фиксация общественного внимания на негативных последствиях сетевого взаимодействия (интернет-зависимости, сетевой агрессии и кибербуллинге, потере данных, нарушении идентичности, сетевых манипуляциях), а не на информационных и образовательных возможностях (межкультурной коммуникации, социальной включенности, творческом сотрудничестве представителей разных генераций пользователей).

Не поняты остаются внутренние механизмы передачи опыта. Предвосхищение Маргарет Мид о трех конфигурациях наследования размывается убеждением современных психологов о полифигуративной культуре [20; 36]. За пределами изучения остаются внутрисемейные контексты, часто игнорируют пол, возраст родителей и детей, социально-экономическое положение семей, образовательный статус, культурную и религиозную специфику семьи, структуру и стратегии воспитания — то, что прежде было альфой и омегой исследований девиантного поведения у подростков. Игнорируется арсенал культуры как главного предохранителя против отклонений и новаций. Темы опасности проведения времени в онлайн выносятся на первый план и становятся главным аргументом в обосновании запретительных мероприятий в отношении интернета. Борьба с интернетом под флагами спасения нового поколения быстро коммерциализировалась, на нее направляются большие государственные средства. Представители СМИ участвуют в порождении социальных эпидемий страхов (моральных паник) среди родителей, как это было с вирусными статьями о «синих китах», доводящих подростков до самоубийства.

Мы можем предположить, что конфликт поколений остается ценностным, идеологическим и, по сути, является результатом структурных нарушений внутри общества, коллективов, семьи. Интернет — только гигантская проективная методика, отражающая реальные проблемы.

Литературные интерпретации проблемы «отцов» и «детей» в России XIX века

Литература XIX века не только попыталась осмыслить феномен разрыва поколений, но и закрепила установку на конфликтность, нормализовала противостояние «отцов» и «детей». Классическая литература в России заменила общественную мысль, философию, этику [5; 27]. Культурно-исторический анализ поколений через судьбу и биографию писателя или его литературного героя стал российской литературной традицией. А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов,

Н.Г. Чернышевский, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой вывели типичных представителей своего поколения. Поколение стало определяться через персонафикацию. Считалось, что именно в ярких, мятежных персонажах выражается конфликт поколений.

И.С. Тургенев впервые поставил вопрос о конфликте поколений как проблеме «отцов и детей», вынеся ее в название романа. В 1860 г. он пишет статью, в которой говорит о символической смене поколений «гамлетов» и «донкихотов» [22]. Выбор героев-инородцев обозначал новизну, неортодоксальность взглядов новых поколений. Чрезвычайная популярность постановок пьесы Шекспира обратила внимание писателя: Гамлет — кумир людей определенного возраста и умонастроений. Трагедия Шекспира в России дважды запрещалась цензурой из-за мотивов царубийства. Пьеса шла с огромным успехом. Гамлета играл П. Мочалов, а ее премьера состоялась в день дуэли А.С. Пушкина. И.С. Тургенев предложил концепцию чередования символических поколений «гамлетов» и «донкихотов». Как писал И. Гончаров, Гамлет и Дон Кихот поглотили почти все, что есть трагического и комического в человеческой натуре. В XIX в., особенно на рубеже XVIII и XIX вв., Дон Кихот воспринимался как персонаж исключительно благородный и положительный, пример для подражания. Пушкин восторженно называл Радищева «политическим Дон Кихотом» за бесстрашие и совесть. Роман Сервантеса был почти в каждой дворянской библиотеке. Есть данные о том, что с 1769 по 1911 г. он выдержал 32 издания [5; 17].

Конфликт «отцов» и «детей» у Тургенева — нравственный, ценностный, а не психологический. Несовпадение идеалов, носителями которых в российской литературе являются герои-мужчины, скрывает столкновения мужских амбиций, претензий на абсолютный авторитет как в семье, так и в обществе. А в российской религиозной традиции авторитет отца семейства должен оставаться безусловным.

В России XIX века и личность автора, и его герои, и круг идей произведения оценивались с позиций высокой нравственности и морали. Даже психиатры под болезнью понимали нравственную аномалию. Герменевтический метод заменялся патографиями, в личностях литературных героев выискивались симптомы болезни [19]. С шекспировским Гамлетом в отечественной психиатрии связывали неврастение. Слабоволие «по-гамлетовски» у российской интеллигенции объяснялось репрессивной организацией государственного строя. Гамлет — это олицетворение русского интеллигента, у которого внутренние поиски парализуют действие, интеллект угнетается волевым началом. Альтернативу Гамлету в патографиях, как и предложил Тургенев, составлял Дон Кихот. Революционерам 1905–1907 гг. ставился диагноз «патологический альтруизм» [11]. Дон Кихот без колебаний бросается в схватку со всем, что противоречит его принципам и идеалам. И хотя и Гамлет, и Дон Кихот живут в отрыве от реальности, один отрицает ее как чуждый мир, достойный худшей из частей, другой верит в свое предназначение и в благородную

миссию человека вообще. Один — циник, другой — романтик. Один готов идти до конца и гибнет, другой борется с призраками, пытаясь заразить своими убеждениями других, несмотря на их насмешки и презрение.

Воля и готовность жертвовать ради идеалов — едва ли не самые превозносимые в XIX в. характеристики человека, которые составляли моральный проект России: нравственность и мораль превыше всего [27]. Особенность русских подвергать все жесткой критике, поиски истины (правды), которая ставится выше интересов личности любого масштаба, приводит некоторых западных психоаналитиков к выводу о моральном мазохизме русских, диктуемом православием [38]. Презрение к идеологии «отцов» повлияло и на траекторию самой литературы. Так, Максим Горький создает своего рода пародию на трилогию Толстого «Детство. Отрочество. Юность», меняя детерминанту в развитии личности с «золотого детства» на осознанную взрослость; детство, по Горькому, может быть горестным, а будущее прекрасным [12].

Но и после Революции образ Гамлета остался источником и катализатором целого ряда научных проблем в психологии. Дипломная работа Л.С. Выготского (1917 года) была посвящена психологическому анализу шекспировского Гамлета. Потеря реальной связи с отцом определялась ученым как внутренняя катастрофа героя. Преданность отцовским идеалам, нежелание жить по законам Революции привели к гибели и формированию «потерянного поколения» в изгнании после революции 1917 [4]. Пьеса М. Булгакова «Бег» (1926–1927), а в последствии его экранизация (фильм А. Алова и В. Наумова, 1970) — как раз о болезненном, на грани сумасшествия, уходе поколения последних «гамлетов» монархической России, тоскующих по сильному Отечеству (отцу). В смерти они видят единственный способ разрешения нравственного конфликта. Депрессия, ностальгия нормализовались. Идеология, единство и унификация образа жизни целого поколения персонифицировалась самой сильной фигурой на вершине иерархии.

В начале XX в. и Бахтин, и Выготский настаивают на том, что мотив поведения лежит вне самой личности, поступки понятны только в контексте полифонии, вначале внешней, потом внутренней. Внешнее — социальное окружение сильнее личности. Образно говоря, Отец сильнее Сына. Важная для отечественных гуманитарных наук идея социальной детерминации связана с традиционным для России представлением о передаче опыта от родителей к детям.

Психологический анализ художественных текстов в 1920–1930-е гг. был ограничен стремлением к объективации методов. Шел поиск основной единицы анализа, под которой Выготский понимал слово как единство знака и значения. Более сложные единицы психологического анализа текста — «высказывание», «диалог», «полилог», «сценарий», «контекст», в которых может быть обозначено соотношение позиций субъектов разных поколений, продолжали разрабатываться вне психологии: психолингвистике, психологии художественного творчества, психологии речи

[1]. Поколения продолжали маркировать именем выдающейся личности (поколение Пушкина, Лермонтова) [4; 10].

Для российского сознания Гамлет олицетворяет табу на убийство отца и неизбежность наказания за отступничество. Особенность Гамлета состоит не только в том, что он думающий, психологически изломанный и напряженный персонаж, но и в том, что он олицетворяет неестественную разорванность связи поколений, наследования по отцовской линии. Такова сила идентификации героя со своим отцом.

Литературную традицию продолжил отечественный кинематограф. Классик советского кино Григорий Козинцев экранизировал одну за другой две драмы — «Дон Кихот» (1957, в главной роли — Н. Черкасов) и «Гамлет» (1964, в главной роли — И. Смоктуновский). Гамлет Смоктуновского — диссидент, который в надежде на справедливость дерзнул на конфликт с действующей властью и пошел до конца. Дон Кихот Козинцева — это олицетворение русского идеализма и романтизма, образ прекрасногодушного послевоенного идеалиста, воплощенный Черкасовым. Ранее Черкасов сыграл у Эйзенштейна в исторических драмах, создав символические для русской культуры образы Александра Невского (1938) и Ивана Грозного (1944). Выход фильмов накануне и во время войны поднимал патриотические настроения, укреплял единство русского народа. А в 1957 г. одряхлевший, выживший из ума полководец и отлученный от власти наследник вновь является — уже в образе Дон Кихота.

Если, по Фрейдю, мифологический сын стремится к отцеубийству, то в российской литературе фигура отца оказывается более сильной и злоедей. И Петр I, и Иван Грозный убили своих сыновей. Не спас сына и Сталин. Литературный отец Тарас Бульба убивает сына. Сын в качестве жертвоприношения — символ абсолютной власти отца. В русской версии «Гамлета» сын — только инструмент отцовской воли.

В образах Гамлета и Дон Кихота персонифицирована двойственность отечественной ментальности: Гамлет и Дон Кихот находятся в отношениях отца и сына. Носителем абсолютного авторитета отца является Гамлет; заблудший презренный сын — Дон Кихот. Таким образом, наследование и формирование идеологии новых поколений происходит в нашей культуре по семейному типу, как противостояние отца и сына.

Рациональный подход к анализу разрыва поколений в Европе

Если в России XIX века поколения анализировали средствами литературы, то в Европе первенство принадлежит историкам и социологам. Опыт Французской революции, смена привычного образа жизни в рамках сословных предписаний стимулировали анализ межпоколенных отношений. Дж. Дромел, А. Корно и Г. Ферар во Франции в 1860—1870-х гг. предпринимают попытки эмпирического исследо-

вания поколений. Они пришли к выводу, что смена возрастных когорт связана с биологическими циклами, новыми формами социальных связей с промежутками 15, 30 лет и даже 33 года [30]. Консервативный французский историк О. Кошен указывал, что наряду с масонскими ложами существовало много интеллектуальных кружков — академии, лицеи, литературные, философские, агрономические кружки. Кошен вводит понятие новых способов социальности (*sociabilite*), через которые формируются новые общности, коллективное сознание. Муссировались революционные идеи [31].

Идеи Кошена получили развитие в школе «Анналов», которая поставила вопрос о «социализации Просвещения» — «распространении идей» просветителей XVIII века среди широких слоев населения. Таким образом, менталитет новых поколений прочно увязывался с новыми формами социальности. В работах Ф. Броделя поколение выбирается в качестве «атома» движения исторического процесса. Поколение не только стабилизирует и несет в себе характеристики эпохи, но еще и создает и воспроизводит *механизмы репродукции культурного опыта*, которые обеспечивают связанность истории [3].

Представитель феноменологического направления истории, француз М. Блок считал, что задача историка — восстановить сознание человека определенного времени, его ментальность. Он предлагал метод исторической регрессии: изучать явление в наиболее зрелом виде, а потом провести реконструкцию истории и проследить закономерности его генезиса, становления и развития. Объектом анализа должны стать различные исторические источники — письменные, материальные артефакты, география местности, язык и т. д. [2].

В Германии В. Дильтей определяет поколение как психологическое, ментальное единство людей, сформированное в сходных социально-экономических и исторических условиях [7]. Это люди, которые связаны общим временем проживания, сходным детством, молодостью как наиболее эмоционально и психологически насыщенными этапами жизни, а также крупными событиями, память о которых надолго, порой пожизненно, определяет общее восприятие текущих событий.

Социология поколений восходит к работам К. Мангейма. Под поколениями он понимал общности, локализованные во времени. Мангейм первым стал исследовать поколение как массовидное явление, а не интеллектуальные (политические, литературные, культурные) элиты [34].

Другим основателем социологии поколения принято считать Ортега-и-Гассета. Он выступал сторонником свободы выбора человека, предложил свою периодизацию в развитии индивида: 15—30 лет — молодость; 30—45 лет — пора инициатив; 45—60 лет — время облачения властью [16].

Предметом поколенческого анализа с середины 1970-х гг. становится изучение возрастных групп как агентов социальных изменений. Социологи отмечают, что простое хронологическое совпадение прожи-

вания людей не создает общности поколения. Очевидно, что это люди примерно одинакового возраста, но их могут объединять и значимые события (война, революция) [24].

Для эмпирического исследования поколений Х. Беккером были предложены следующие критерии: 1) социальный контекст становления поколения, наиболее важные события периода его активного формирования; 2) состояние средств массовой информации в описываемый период; 3) система социализации представителей поколения; 4) социальные возможности времени; 5) системные характеристики поколения (величина и состав когорт, культура и союзы поколения); 6) биографические черты: жизненный путь, ценностные ориентации представителей поколения; 7) поведенческие образцы [29].

Таким образом, параллельно с литературным (субъективным) освоением проблемы поколений в России в Европе развивался рациональный (объективный) подход в философии, истории, социологии и демографии. В России проблема поколений психологизировалась, а поколения персонифицировались. В Европе волюнтаризму и откровенному психологизму противопоставляется объективизм, который достигается за счет расширения источников, сведений, интерпретаций. В рамках этого подхода исследователь дистанцирован от изучаемой когорты людей; он не несет ответственности за их поступки и не влияет на установки свидетелей. В России исследователей интересовал не столько вопрос «Как?» (как создаются, формируются и функционируют поколения), а вопрос «Кто эти люди?» (моральный облик поколения, его роль в истории, исторический масштаб). Если в Европе под влиянием рациональной традиции интерес вызывали вопросы внутрипоколенческой солидарности, то в России — описание отдельных идеальных героев своего времени, их конфликт с окружением. Возможно, механизмы формирования поколений отличаются в разных странах, в России катализаторами оказываются герои-одиночки, в Европе — прогрессивные идеи, которые широко обсуждаются и тестируются.

Прочно утверждается идея о том, что средства информации, включая литературу, искусство, а также новейшие медиа, кино, радио, являются инструментами активного формирования ментальности поколений.

Возврат к проблеме конфликта поколений в современной отечественной социологии

Традиция деления поколения на сильных («гамлетов») и слабых («донкихотов») перешла в современную отечественную социологию. У сборника статей ведущих российских социологов («Отцы и дети», 2005) то же название, что и у романа Тургенева, а при описании поколений авторы используют тургеневское деление на «гамлетов» и «донкихотов». Сместились акценты в оценке героев. В XIX веке слабым, безвольным считался Гамлет, а не Дон Кихот. В XXI веке ценят способность по-гамлетовски вопло-

щать максимум конфликтов своей эпохи. Личность героя соотносится с масштабом и задачами эпохи.

В социологии утверждается понимание поколения как общности людей: 1) разделяющей определенные культурные ценности и реализующей их в своих культурных практиках; 2) создающей поле коммуникации и взаимодействия; 3) представители которой идентифицируют себя со своим поколением [17]. Воспроизведена исследовательская установка на принципиальную конфликтность поколений.

Поколенческий анализ используется для выявления динамики и закономерностей развития общества. Например, отмечается, что распад старых империй сопровождается появлением поколения реваншистов, внуков, которые следуют идеалам не отцов-реформаторов, а дедов — носителей имперского сознания с тягой к сильной власти и тоской по сильному отцу. За ним неизбежно следует волна примиренчески настроенного поколения, воспринимающего реванш как авантюру и возврат в прошлое. Молодежный протест трактуется как форма девиантного, а не поискового, преобразовательного поведения [17]. О протестном потенциале новых поколений пишут и психологи [5].

Поколения отличаются культурными синдромами, устойчивыми наборами черт, обусловленным национальным характером, историей страны и семьи [9; 17], архетипическим уровнем сознания [18].

Выделяются военное, послевоенное, перестроечное, постперестроечное поколения; отмечается, что в мемуарах и воспоминаниях многие осознают свое поколение как брошенное, потерянное поколение. Психологическое сиротство, слабая или отсутствующая связь между сыновьями и отцами из-за постоянных войн, а в постперестроечное время из-за разводов, повидимому, один из устойчивых культурных синдромов советского и постсоветского периода [24].

У представителей одного поколения существуют сходный стиль и коды коммуникации. В качестве культурных маркеров поколения называют и *символические объекты, авторитеты и язык поколения*. Языком символов может стать поэзия (как у шестидесятников), музыка (Битлз у семидесятников). Популярная, наиболее читаемая молодежью литература тоже отражает характерные для нее авторитеты, идеалы и язык. Пример тому — «Поколение П», или поколение Пелевина, рожденное в 1960-е годы. Ему на смену приходит поколение «духлессов» и «казуэлов», психология которого отражается в книгах Минаева и Робски, и т. д. [17].

Чтобы понять логику развития ментальности поколений, смены идеологий, нужно изучить историю и понять характер значимых связей, в которые включены представители символически выделяемого поколения, начиная с семейного опыта, от которого эмансипируются молодые. И здесь отечественные социологи и художники солидарны: сильные поколения («гамлеты») сменяют слабые («донкихоты») по принципу отрицания; протест «нового» против «старого» по закону двойного отрицания приводит к циклическому воспроизводству старых идей под видом новых, ностальгическим настроениям, «воспо-

минанию» старых кумиров, периодическому регресу к старым историческим периодам, как это происходит с Великой Отечественной войной, казалось бы, забытой в революционном угаре перестройки.

Эта цикличность проявляется и в сетевом взаимодействии.

Феноменология компьютерного взаимодействия сквозь призму межпоколенческих отношений

Мы приведем здесь некоторые данные своих исследований, которые показывают, как проявляются различия в коммуникации у разных поколений.

Конфликт коммуникативной (иррациональной) и операциональной (рациональной) парадигм взаимодействия у новичков на начальном этапе развития научной компьютерной коммуникации в 80-е годы прошлого века был одной из причин формирования компьютерных барьеров у советских ученых разных поколений; для советских участников был важен вопрос не «как» взаимодействовать, а «кто» определяет правила взаимодействия, кто «начальник», «хозяин», «абсолютный авторитет», условно говоря, отец, патриарх, который будет выносить решения и может наказать, «тот, кто стоит за спиной». Неопределенность международной коммуникации в терминах научной иерархии послужила причиной шока, отказа от взаимодействия, обесценивания возможностей коммуникации, а сам компьютер воспринимался как «шпион», «агент», «вахтер», «милиционер», т. е. негативно персонифицировался [35]. Персонификация против операционализации — так можно обозначить конфликт стратегий взаимодействия, за которым скрывался конфликт старой и новой генерации пользователей.

Место в социальной иерархии влияет на готовность к отрыву от паритетному общению в сети. Люди, занимающие высокие статусные позиции избегали публичности, придерживались «охранительной» стратегии, общались с людьми своего и выше статуса, но вне сети; рациональные доводы о том, что компьютерная коммуникация полезна, информативна, приносит новые контакты, воспринимались ими как провокативные, несерьезные. Главное — статус в своем сообществе, а не международная репутация. После десятилетий посадок и преследований за инакомыслие и связь с иностранцами, старшее и маститое академическое поколение отказывалось оставлять тексты на электронных носителях, опасаясь, что они могли быть использованы как письменные свидетельства против них самих же. Активно включились молодые ученые, решая прагматические задачи по поиску новой работы и международных научных программ [14]. Российская специфика формирования новых элит, экранных, сетевых «звезд» — через внутрисемейные, клановые связи, через персонификацию с «патриархом» семьи. Такие «звезды» появились среди блоггеров, участников сетевых групп, владельцев интернет-ресурсов. Например, предста-

витель семьи Толстых Артемий Лебедев возглавляет компанию по разработке сайтов. Семья, клан, позволяет аккумулировать ресурсы (символический, социальный и экономический капиталы) и мобилизовать новый ресурс через своих представителей, влияя на мнения поколения сверстников. Такой «звездой» является та же Ксения Собчак.

Пускались в международное плавание «донкихоты». «Гамлеты» отказались от внешних выгод международной коммуникации и до сих пор придерживаются «охранительной» стратегии. Это тем более понятно, если учитывать семейственность и клановость даже внутри науки [14].

Структура семьи и связанные с ней стратегии взаимодействия проявляются в отношении родителей к детским компьютерным играм. Основными проводниками знаний о новых технологиях на практике оказываются отцы. Российская семья дисгармонична, отцы занимают или доминантную позицию абсолютного авторитета, или субдоминантную позицию, становясь «еще одним ребенком» в семье. С жесткой позицией «гамлетов», требованием абсолютного послушания связан родительский гиперконтроль над использованием компьютера детьми. Позиция попустительствующих, субдоминантных «донкихотов» — гиперопека или попустительство в отношении сетевого поведения детей. Это проявляется и в практике совместных детско-родительских игр или их запрете. Наши исследования показывают, что подростки способны определить стиль воспитания родителей, используют «обходные» пути, отстаивают свое право на общение, осознают, что сетевое общение компенсирует нехватку внимания в реальной жизни. Выбираемая отцами стратегия регуляции видеоигр влияет на характер использования видеоигр подростками [36].

Медиа развиваются в направлении нарастания субъектности, личной инициативы и ответственности [28; 36], но только потому, что пользователи учатся управлять своим сетевым поведением, эмансипируются от старых практик коммуникации с их табу и иерархическими диспозициям, а разработчики новых программных продуктов учитывают привычные для пользователей практики. Наш опыт показывает, что привычные для детей семейные диспозиции могут обсуждаться уже детьми-дошкольниками [12].

Наиболее ярко манифестация разрыва поколений наблюдалась нами при анализе агрессии в сетевых сообществах молодых матерей. Эмансипация от родительских авторитетов послужила главным мотивом обсуждения вопросов воспитания в закрытом режиме, вне прародительского контроля [15].

Заключение

В России новые идеологии поколений формируются в период безвременья в узких кружках, от литературных до сетевых сообществах, объединяя психологически близких людей. В масштабе столетий, можно сказать, что в XIX веке важным источ-

ником революционных идей и стратегий развития была литература, в XX веке поколения черпали образы героев в кино и телевидении, XXI век использует сетевые технологии как транспортное средство и фабрики по производству новых стилей и образов жизни для молодых. Интернет можно рассматривать как проективную методику, которая отражает индивидуальные и культурно значимые свойства коммуникации.

Элиты, наследники «гамлетов», воспроизводятся по семейно-клановому принципу. Напротив, молодежь из социальных низов и безвестных фамилий по типу «донкихотов» пускается в свободное плавание по интернету в поисках более надежных и продуктивных контактов. Если у семейно-ориентированных «гамлетов» идеалы черпаются из прошлого своей семьи, то у «донкихотов» они часто заимствуются из медиа, литературы, кино, интернета, и в этом риски нравственных поисков уязвимых «донкихотов». Таковым является поколение хипстеров, занимающихся сетевым и внесетевым серфингом вне государственных границ и социальных предписаний. Хипстеры — это дети разводов и, следовательно, они воспитывались в духе слабых мужских авторитетов.

Для российской истории характерна героизация поколений, определение через «святых», выдающихся личностей, героев, не через типичного представителя, который всегда в тени, а по верхней или нижней границе человеческих возможностей. Во многом это религиозная традиция. Персонификация позволяет опосредованно определить социальную роль поколения — конформистское поколение («гамлеты»), протестное, инфантильное поколение «грёз» («донкихоты»). Отдельная тема — как «гамлеты» становятся «донкихотами», и наоборот. Задача персонификации во многом литературная, как у Пелевина — «Поколение П».

Смена поколений определяется закономерным чередованием семейных диспозиций: доминантных и субдоминантных, конфликтных и конформных, социально зрелых и инфантильных.

История страны может быть рассмотрена через историю семьи, историю индивида, причем не только выдающейся, но и обычной личности. Многочисленные работы социологов, посвященные истории крестьянства, иммигрантов, рабочих, представляют эту тенденцию. Психологический анализ позволяет выйти за пределы уже сложившегося стереотипа в анализе поколений, уверенности в решающем влиянии на их формирование крупных общественно-исторических событий. Различие поколений может быть следствием коренных семейных трансформаций. Современный конфликт «отцов» и «детей» в России — это непонимание и раздражение людей, которые родились и выросли в разных условиях. Так, «поколению перестройки» предшествовало поколение, выросшее в годы сытого советского детства. Отсюда высокий нейротизм и слабая адаптивность детей («донкихотов») по сравнению с их родителями («гамлетами»).

Изучение истории поколений неизбежно сталкивает нас с культурно-исторически сформированной моделью семьи. В России это семья православного типа с доминантным отцом, претендующим на роль абсолютного авторитета, но не включенного в обычную жизнь семьи. Ни в одной религиозной модели семьи мы не встретим такого противопоставления власти отца и ответственности матери. Дети максимально психологически дистанцированы от отца. Доминантные отцы, которые выше всего ценят свой статус и ориентированы на другие мужские авторитеты, дают субдоминантное, зависимое потомство, сыновей, которые плохо ориентируются в мире «взрослых» мужских идеалов. Они выросли в атмосфере презрения отцов из-за близости к матери.

«Гамлеты» рожают «донкихотов».

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Собрание сочинений. Т. 2. М.: Русские словари, 2000, 799 с.
2. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. 259 с.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. Т. 3. М.: Прогресс, 1992. 679 с.
4. Варшавский В.С. Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Русский путь, 2011. 576 с.
5. Венгер А.Л. Поколение пустыни // Культурно-историческая психология, 2008. № 4. С. 62—70.
6. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968. 345 с.
7. Дильтей В. Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996, 160 с.
8. Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли // Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. СПб.: П.Т.Г., 1918. 191 с.
9. Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994. 267 с.

References

1. Bakhtin M.M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's works]. *Sobranie sochinenij v 7 tomakh* [Collected Works: in 7 volumes]. Moscow: Russkie slovari, 2000. Vol. 2. 799 p.
2. Blok M. Apologia of istorii ili remeslo istorika [Apology of History or the Craft of the Historian]. Moscow: Nauka, 1986. 259 p. (In Russ.).
3. Braudel F. Materialnaya tsivilizatsiya. Ekonomika i kapitalizm. XV—XVIII vv. [Material Civilization, Economy, and Capitalism. XV—XVIII centuries]. Vol.3. Moscow: Progress, 1992. 679 p. (In Russ.).
4. Varshavskiy V.S. Nezamechennoye pokoleniye [Lost generation]. Moscow: Dom russkogo zarubezhia imeni Aleksandra Solzhenitsyna: Russkiy put', 2011. 576 p.
5. Venger A.L. Pokoleniye pustyni [Generation of the Desert]. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2008, no. 4, pp. 62—70. (In Russ., Abstr. in Engl.).
6. Vygotskiy L.S. Psikhologiya iskusstva [Psychology of the Art]. Moscow: Iskusstvo, 1968. 345 p.

10. Кон И.С. Понятие поколения в современном обществоведении // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л.: ЛГУ, 1979. С. 209–220.
11. Лахтин М.Ю. Патологический альтруизм в литературе и жизни // Вопросы психиатрии и неврологии. 1912. Т. I. С. 246–253.
12. Маховская О.И. Коммуникативный опыт личности. М.: ИП РАН, 2010. 253 с.
13. Маховская О.И. Формирование идентичности у детей постсоветских эмигрантов в США // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 3. С. 102–113.
14. Маховская О.И. Российские ученые и интернет: flashback and look forward // Pro&Contra. 2000. Т. 5. № 4.
15. Маховская О.И., Семенова Т.И. Феномен сетевой агрессии в закрытых сообществах молодых матерей / Проблемы социальной и экономической психологии: итоги и перспективы исследований: Всероссийская юбилейная научная конференция: сб. науч. статей (7 декабря 2018 г.). М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 377–386.
16. Ортега-и-Гассет Х. Тема нашего времени // Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991. С. 3–50.
17. Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. Левады и Т. Шанина. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 328 с.
18. Пищик В.И. Архетипы — базовый компонент ментальности поколений // Сборник конференций НИЦ. № 12. Прага: Социосфера, 2013. С. 114–120.
19. Сироткина И.Е. Классики и психиатры. Психиатрия в российской культуре конца XIX — начала XX веков. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 272 с.
20. Солдатова Г.У., Рассказова Е.У. «Цифровой разрыв» и межпоколенческие отношения родителей и детей // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 6. С. 83–93.
21. Твендж Д. Поколение селфи. Кто такие миллениалы. М.: Бомбора, 2018. 336 с.
22. Турганев И.С. Гамлет и Дон Кихот // Современник. 1860. № 1. Отд. I. С. 239–258.
23. Швецова М.Н., Собченко М.Р. Образ семьи в представлениях поколения детей и родителей (поколения Y и Z) // Вестник нового российского университета. Серия «Человек в современном мире». 2018. № 2. С. 36–41.
24. Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 47–60.
25. Шурбе В.З. Поколение хай-тек и «новый конфликт поколений»? // Социологические исследования. 2013. № 4 (348). С. 100–106.
26. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Moral bewusstsein und Kommunikatives Handeln. М.: наука, 2001. 382 с.
27. Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода // Н.Г. Чернышевский. Эстетика и литературная критика. Избранные статьи. М.; Л., 1951. С. 212–348.
28. Юревич А.В., Марченко Ф.О. Образ зрителя в социально-психологических исследованиях // Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия, М.: ИП РАН, 2011. С. 115–129.
29. Backer H.A. Sociological Research on Discontinuous // International Journal of Contemporary Sociology. Special Issues. Boston, 1998. P. 38–47.
30. Dromel J. Le Loi Des Revolutions. Paris, 1861.
31. Cochlin A. La Revolution et la libre-pensee. Paris, 1924.
32. Fortunatti L., Taipale S., Luka F. Digital generations, but not as we know them // Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies. 2017. 1–18. doi: 10.1177/1354856517692309
7. Diltey V. Opisatel'naya psikhologiya [Descriptive psychology]. Saint-Petersburg: Alateya, 1996. 160 p. (In Russ.)
8. Ivanov-Razumnik R.V. Istoriya russkoy obshchestvennoy mysli. Individualizm I meshchanstvo v russkoy literature i zhizni XIX v. [History of Russian social thought. Individualism and philistinism in Russian literature and life of the XIX century]. Saint-Petersburg: P.T.G, 1918. 191 p.
9. Kasianova K.O. O natsionalnom russkom kharaktere [On National Russian Character]. Moscow: Institut nacional'noj modeli ehkonomiki, 1994. 267 p.
10. Kon I.S. Ponyatiye pokoleniya v sovremennom obshchestvovedenii. Aktualnyye problem etnografii i sovremennaya zarubezhnaya nauka [The concept of generation in modern social sciences. Actual problems of Ethnography and modern foreign sciences]. Leningrad: LGU, 1979, pp. 209–220.
11. Lakhtin M.Yu. Patologicheskiy altruizm v literature I zhizni [Pathological altruism in literature and life]. *Voprosy psikhiiatrii i nevrologii* [Questions of psychiatry and neurology], 1912. Vol. 1, pp. 246–253.
12. Makhovskaya O.I. Kommunikativnyy opyt lichnosti [Communicative Experience of Personality]. Moscow: Publ. IP RAN, 2010. 253 p.
13. Makhovskaya O.I. Formirovaniye identichnosti u detey postsovetskikh emigrantov v SShA [Formation of Identity in Children of Post-Soviet emigrants in the USA]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2005. Vol. 26, no. 3, pp. 102–113.
14. Makhovskaya O.I. Rossiyskiye uchenyye i Internet: flashback and look forward [Russian Scholars and the Internet: flashback and look forward]. *Pro&Contra*, 2006. Vol. 5, no. 4, pp. 129–143.
15. Mahovskaya O.I., Semenova T.I. Fenomen setevoi agressii v zakrytykh soobshchestvah molodykh materei [Phenomenon of Young Mothers Network Aggression in Closed Russian Internet Communities]. *Sbornik nauchnykh statei, Vserossiiskaya yubileynaya nauchnaya konferenciya «Problemy social'noi i ehkonomicheskoi psikhologii: itogi i perspektivy issledovaniy»* (Moscow, 7 dekabrya 2018) [Problems of social and economic psychology: results and prospects of researches. All-Russian Anniversary Scientific Conference. Collection of articles, 7 December 2018]. Moscow: Publ. IP RAN, 2018, pp. 377–386.
16. Ortega-i-Gasset Kh. Tema nashego vremeni [The Subject of Our Time]. *Chto takoye filosofiya?* [What is Philosophy?]. Moscow: Nauka, 1991, pp. 3–50. (In Russ.)
17. Ottsy I deti. Pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii [Fathers and children. Generational analysis of modern Russia]. Levada Yu. (eds.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. 328 p.
18. Pishchik V.I. Arkhetipy — bazovyy component mentalnosti pokoleniy [Archetypes — the basic component of the mentality of generations]. *Materialy Tretyei mezhdunarodnoi konferencii «Simvolicheskoe i arhetipicheskoe v kul'ture i social'nykh otnosheniyah»* [Papers of Third International Conference “Symbolic and archetypal in culture and social relations”]. Praga: Sotsiosfera, 2013, no. 12, pp. 114–120.
19. Sirotkina I.E. Klassiki i psikhiiatry. Psikhiiatriya v rossiyskoy culture kontsa XIX — nachala XX vekov [Orig.: Diagnosing Literary Genius: A Cultural History Psychiatry in Russia, 1880-1930]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 272 P. (In Russ.)
20. Soldatova G.U., Rasskazova E.U. «Tsifrovoy razryv» I mezhpokolencheskiye otnosheniya roditeley I detey [The digital divide and intergenerational relations between parents and children]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2016. Vol. 37, no. 6, pp. 83–93.

33. Howe N., Strauss W. The history of American future 1584 to 2069. Harper Perrenial, 1997.
34. Mannheim K. Wissenssoziologie. Neuweid, 1970. S. 550–565.
35. Martchenko (Makhovskaya) O.I. A Confusion of Operational (Manipulational) and Communicative (Conversational) Types of Interaction: One of the Reasons for Computer Barrier in Telecommunication // The 5th East-West International Conference, EWHCI '95, Proceedings. Moscow, 1995.
36. Marchenko, F., Matweeva L., Makhovskaya O. Fathers' Role in Co-use of Video Games in Russia [Электронный ресурс] // Fifth Annual International Conference «Early Childhood Care and Education», 12–14 May 2016, Moscow, Russia, Procedia // Social and Behavioral Sciences. 2016. Vol. 233, 17 October, P. 455–458. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.10.184>
37. Prensky M. Digital natives, digital immigrants, Part 2. // Horizon. 2001. 9(6). P. 1–6.
38. Rancour-Laferrier D. The Slave Soul of Russia: Moral Masochism and the Cult of Suffering. N.Y., 1995.
21. Twenge D. Pokoleniye selfi. Kto takiye millenialy. [Orig.: Generation Me]. Moscow: Bombora, 2019. 336 p. (In Russ.).
22. Turgenev I.S. Gamlet i Don Kikhot [Hamlet and don Quixote]. In Turgenev I.S. *Poln. sobr. soch. v 8 tomakh* [Collected Works: in 8 volumes]. Vol.8. Moscow. 1860.
23. Shvetsova M.N., Sobchenko M.R. Obraz semi'i v predstavleniyakh pokoleniya detey I roditeley (pokoleniya Yi Z) [Perception of family among childrens and parents (generations Y and Z)]. *Vestnik novogo rossiyskogo universiteta. Seriya «Chelovek v sovremennom mire»* [Bulletin of the Russian new University. Series «A Human Being in the Modern World»], 2018, no. 2, pp. 36–41.
24. Shuman G., Skott Zh. Kollektivnaya pamyat pokoleniy [Collective Memory of Generations]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Reserches], 1992, no. 2, pp. 47–60.
25. Shurbe V.Z. Pokoleniye khay-tek i «novyy konflikt pokoleniy»? [Generation of high-tech or new generation gap?]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Reserches], 2013, no. 4 (348), pp. 100–106.
26. Khabermas Yu. Moralnoye soznaniyei kommunikativnoye deystviye [Moral Consciousness and Communicative Action]. Saint-Petersburg: Nauka, 2001. 382 p. (In Russ.).
27. Chernyshevskiy N.G. Ocherki gogolevskogo perioda [The Essays on the Gogol period]. *Estetika i literaturnaya kritika. Izbrannyye stati* [Aesthetics and literary critics. Selected Articles]. Moscow-Leningrad: Nauka, 1951, pp. 212–348.
28. Yurevich A.V., Marchenko F.O. Obraz zritelya v sotsialno-psikhologicheskikh issledovaniyakh [Image of spectator in social-psychological studies]. *Psikhologicheskoye vozdeystviye: Mekhanizmy. Strategii. Vozmozhnosti protivodeystviya* [Psychology of influence. Methods. Strategies. The possibility of impeding]. Moscow: Publ. IP RAN, 2011, pp. 115–129.
29. Backer H.A. Sociological Research on Discontinuous. *International Journal of Contemporary Sociology*. Special Issues. Boston, 1998, pp. 38–47.
30. Dromel J. La Loi Des Revolutions, les generations, les nationalities, les dynasties, les religions. Paris, 1862. 531 P.
31. Cochin A. La Revolution et la libre-pensee. Paris, 1924.
32. Fortunati L., Taipale S., Luka F. Digital Genrations, but not as We Know Them. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*, 2017, pp. 1–18.
33. Howe N., Strauss W. The History of America's Future, 1584 to 2069. Harper Perennial, New York, London, Toronto, 1991. 539 p.
34. Mannheim K. Das Problem der Generationen. In Mannheim K. *Wissenssoziologie*. Neuweid, 1970, pp. 550–565.
35. Martchenko (Makhovskaya) O.I. A Confusion of Operational (Manipulational) and Communicative (Conversational) Types of Interaction: One of the Reasons for Computer Barrier in Telecommunication. *The Fifth East-West International Conference, EWHCI '95, Proceedings*. Moscow, 1995, pp. 1–5.
36. Marchenko F., Matweeva L., Makhovskaya O. Fathers' Role in Co-use of Video Games in Russia. Fifth Annual International Conference “Early Childhood Care and Education” (12–14 May 2016, Moscow) Procedia – Social and Behavioral Sciences, 17 October 2016. Vol. 233, pp. 455–458.
37. Prensky M. Digital natives, digital immigrants, Part 2. On the Horizon 9(6): 2000, pp. 1–6.
38. Rancour-Laferrier D. The Slave Soul of Russia: Moral Masochism and the Cult of Suffering. N.Y.: New York University Press, 1995. 330 p.